

ДАРЬЯ КОЖЕВНИКОВА

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

A man and a woman in leather jackets embracing in a dramatic, colorful setting. The man is on the left, looking towards the woman on the right. They are both wearing dark leather jackets. The background is a dark, textured space with vibrant, ethereal light streaks in shades of blue, green, and yellow, creating a moody and intense atmosphere.

ОПАСНЫЙ
ТАНЕЦ ВТРОЕМ

Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы

Дарья Кожевникова

Опасный танец втроем

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

Опасный танец втроем / Д. С. Кожевникова — «Эксмо»,
2019 — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы)

ISBN 978-5-04-102401-7

Молодая, красивая и оптимистичная Мария работает официанткой в шикарном ресторане. Это приносит ей деньги и независимость, и Маше этого достаточно. К сожалению, в это заведение часто навевываются криминальные элементы под предводительством загадочного, но внушающего уважение Никифора Львовича, который явно положил на Марию глаз... Но она старается не обращать на неприятности внимания, пока случайно не слышит за столом разговор: ее бывшего одноклассника, Глеба Вакантова, собираются убить! Девушка решает предупредить Глеба об опасности. Тот оказывается настоящим героем, ведущим неравную борьбу с преступными силами! Маша зажигается идеей помочь ему. Более того – она может приблизиться к банде совсем близко, ведь Никифор Львович предлагает ей стать его «спутницей»... Но не заведет ли ее храбрость и горячая кровь слишком далеко?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102401-7

© Кожевникова Д. С., 2019
© Эксмо, 2019

Дарья Кожевникова

Опасный танец втроем

© Кожевникова Д.С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Заноза в отважном сердце
Дарья Кожевникова

Эта компания гуляла в их ресторане далеко не первый раз – у них часто появлялся предлог что-нибудь отпраздновать. А праздновать пусть даже и пустячные события в одном из самых дорогих ресторанов города подобным людям было вполне по карману. Как говорится, был бы только повод. Вот и сейчас нашелся. Что отмечали? Выгодную сделку? Удачное дельце? Или еще какое-нибудь мероприятие на грани с преступлением, а может, и уже за ней? То, что эта компания не относилась к категории законопослушных, известно было давно. Потому что в своем разгуле, особенно уже расслабившись после выпитого, они совершенно не стеснялись официантов. А некоторые, может, и вовсе не замечали этих практически бесшумнодвигающихся людей: появляются перед носом полные тарелки-рюмки – и ладненько. Вот только официанты не отвечали своим клиентам взаимностью, ну или по крайней мере не утратили способности видеть и слышать. И из отдельных реплик, порой перетекающих даже в беседу о делах насущных, вполне могли составить себе представление о том, как именно данные посетители ресторана зарабатывали на свою икру с маслом, в которую иногда по какой-то случайности затесывался и хлеб. Вот и сейчас кто-то беззастенчиво, не скупясь на выражения, обсуждал свою новую любовницу, кто-то – очередное неодушевленное приобретение. Голоса их становились все громче и громче, так что Маша невольно слышала все, проходя мимо пирующих к столу их седовласого босса. Крупного сложения, с не утратившей густоту шевелюрой, снисходительно поглядывающий на своих веселящихся подручных, мужчина чем-то напоминал ей льва, главу прайда. Что думал про Машу он сам, естественно, оставалось загадкой. Наверняка сказать можно было только одно: она не была для этого мафиозного босса невидимой и неслышной тенью, потому что в свое время, увидев ее в первый раз, он лично потребовал от администрации ресторана, чтобы его столик теперь всегда обслуживала именно она. Такой вот маленький каприз большого человека, который, естественно, выполнялся. Маша тоже была не против этого, поскольку этот человек всегда оставлял ей хорошие, даже по меркам их ресторана, чаевые. Но вот чем именно она ему приглянулась, она сказать не могла. Хотя было, конечно же, любопытно. Приставать он к ней никогда не пытался, иной раз как будто и вовсе не замечал. А иногда мог задержать на ней пронзительный взгляд своих темно-карих глаз из-под наполовину седых и кустистых бровей и придержать ее за руку, чтобы она так быстро не уходила. Маша искристо улыбалась ему в ответ – у нее не было привычки робеть перед сильными мира сего. Он не улыбался, но просто светлел лицом, глядя на нее. Потом отпускал ее руку и кивал ей, что она может идти. Заговорить с ней, кроме официально-дежурных слов, он никогда не пытался. В очередной раз пересчитывая в конце смены оставленные им чаевые, Маша, как девушка неглупая, нередко спрашивала себя, чем же все это может закончиться в какой-нибудь не очень прекрасный вечер. Но отказываться от денег, которые сами падают в руки, было, по ее мнению, все-таки глупо, а проблемы она предпочитала решать по мере их поступления.

Сегодня седовласый босс Машу едва заметил. Сидя за главным столом, он благосклонно взирал на своих хмелеющих бандитов, беззаботно хлещущих виски, бренди и прочие веселящие средства за остальными столиками. Вообще-то в этой компании столики обычно были сдвинуты в один большой и длинный банкетный стол, но Маша профессионально продолжала их разделять, ведь каждый из этих столов обслуживал конкретный официант. Да и компании за столами подбирались группами, по интересам, и чем дальше от главного стола, тем шумнее себя вели. Веселились, одним словом. И лишь их босс, как бы много ни пил, всегда оставался внешне неизменным. Не терял ни лица, ни рассудка. Вот и сегодня он что-то тихо обсуждал за столом с двумя своими подручными, сидящими по обе стороны от него. Маша не прислушивалась к их разговору – даже если бы она могла слышать его целиком, а не урывками, ей он был ни к чему. Но отчего-то било по слуху неоднократно услышанное слово «вакант». Может, потому, что такого слова не существовало в словаре родного русского языка? А у нее было все-таки неоконченное высшее образование, и именно поэтому ее коробило безграмотное словечко? Интересно, что оно могло означать на языке собеседников? Уже невольно прислушиваясь при смене блюд, она поняла, что речь идет о живом человеке. Следовательно, скорее всего, это его прозвище. Но странное какое-то, необычное. Хотя у Маши это прозвище вызывало вполне конкретные ассоциации с одним, в прошлом хорошо знакомым ей человеком. Каково же было ее изумление, когда она поняла, что и за этим столом говорят, скорее всего, именно о нем!

– В общем, вы выяснили, где теперь этот Вакантов живет? – раздраженно спросил у подручных босс. – Это ваше дело! Убрать и закопать! Я не хочу больше даже слышать о нем, не говоря уж о том, чтобы он еще хоть как-то мне о себе напомнил! Все! – Он дождался, пока Маша наполнит ему бокал, взглянул на нее, впервые за вечер. Профессиональная выучка позволила ей продолжить свою работу недрогнувшей рукой, и даже ее дежурная улыбка не потускнела. А вот на душе стало беспокойно! Вакантов – редкая фамилия. Следовательно, вряд ли она с преступным боссом знала двух разных людей.

Больше не позволяя себе отвлекаться на посторонние мысли в служебное время, Маша честно отработала этот вечер (точнее, по времени уже ночь). Принося-унося, разливая-накладывая и искусно лавируя вдоль столиков с подносом, на своих высоких каблуках. Она работала в этом ресторане не первый год, и все в ее действиях было отработано до автоматизма. Даже легкое движение бедрами, когда один из захмелевших бандитов попытался ухватить ее, проходящую мимо. Быстрое и плавное, и ровно настолько, чтобы он промахнулся всего на какую-то пару сантиметров. Он что-то кричал ей вслед, после своей промашки едва не упав со стула, но у Маши в лице так ничего и не дрогнуло. Точнее, в той безупречной маске, которую она носила в рабочее время.

В три часа ночи смена наконец-то закончилась. Маша переоделась, с удовольствием потрянула головой, распустив волосы, весь вечер туго стянутые в узел на затылке. Сверкающая белизной кофна упала ей на плечи. Она откинула их, нагнулась застегнуть «молнию» на босоножках.

– Машка, да как хоть ты и после работы можешь носить высокие каблукки? – почти со стоном спросила ее одна из напарниц.

– Мне нравится, – повела плечами Маша. – И потом, главное, колодку удобную подобрать. Тогда этих каблуков почти и не чувствуешь. – Она оглядела себя в высоком зеркале, висящем возле выхода из раздевалки, чуть-чуть поправила воротник курточки и осталась довольна. Такси уже было вызвано и должно было ждать ее у служебного входа.

– Привет! – Маша спустилась по ступеням, звонко цокая по ним каблукками, открыла дверцу ждущей ее машины и плюхнулась на переднее сиденье.

– Привет! – поздоровался Антон, водитель такси, с которым Маша ездила практически постоянно. – Домой?

– Угу. Вези давай мое хрупкое девичье тело, бережно и аккуратно, даже на светофорах и ухабах. Встряхнешь только один раз, когда приедем.

– Ладно, – улыбнулся он, включая зажигание.

Маша расслабилась под тихий рокот мотора и негромкую музыку, льющуюся из автомагнитолы. Возможность доехать домой, не утруждая себя вождением, а полностью положившись на другого человека, была одной из причин, почему Маша до сих пор не купила собственную машину. Хотя могла бы, финансовое положение позволяло. Но это была вторая причина «против»: мама была не в курсе ее денежных дел. А узнай она о них и о том, что дочь может себе позволить личное авто, это ей наверняка не понравится. Ведь у мамы было свое, предвзятое мнение о зарабатывании хороших денег красивыми девушками, и понятие «чаевые» в это мнение не входило. Да и вообще ей категорически не нравилось все, чем занималась теперь ее дочь. Маша только вздохнула, вспоминая яростные споры с мамой – до скандалов в их семье не опускались никогда. Мама считала, что Маше необходимо окончить институт. Маша же считала, что это еще успеется и что в ее 28 лет ей еще можно не торопить события. И потом, ну что он ей даст, этот институт? Когда она и сейчас не только трудоустроена, но еще и хорошо получает? Мама возражала, что это не та работа, которой стоит дорожить даже за хорошие деньги. Отчасти была права. Маша сама испытывала что-то вроде шока, когда только начинала работать, ведь клиенты попадались очень разные, особенно в ночную смену. Для кого-то слова «официантка» и «проститутка» были вообще синонимами. Но поначалу Маше просто необходимо было удержаться на работе, вопреки всем своим трудностям и чувствам. Потому что у нее смертельно заболел отец, и семья быстро нищала, теряя деньги на дорогостоящее лечение, которое в итоге все равно папе не помогло. Так что Маша в те страшные дни должна была зарабатывать не только себе на учебу – тогда она еще упорно продолжала учиться, – но и на жизнь. И она справлялась с этой задачей. Научилась стоически сносить выпады нетрезвых клиентов; отклонять их притязания твердо, но без хамства, что было особым искусством. Попутно с этим освоила еще множество мелочей, уверенно пробираясь по карьерной лестнице. Главное, что для этого требовалось, кроме красивой внешности, – сильный характер – у Маши было. Хотя и непонятно было, откуда взялось. Ведь, по аналогии с людьми, про которых говорят, что они за свою жизнь ничего не ели слаще морковки, про Машу смело можно было сказать, что лет до двадцати в ее жизни не было ничего горче черного шоколада. Папа занимал хорошую руководящую должность и ни в чем не отказывал своей единственной обожаемой дочери. Мама не стала делать карьеру, предпочтя большую часть времени отдавать дому и семье, из-за чего Маше жилось легко и беззаботно. Резвилась дома, весело проводила время с друзьями, успевая при этом неплохо учиться. И в престижный институт она поступила без всяких проблем. Все оборвалось в тот день, когда папе поставили его страшный диагноз, рак, и врачи развели руками: на такой стадии заболевания медицина уже бессильна. Но мама с Машей не поверили, стали бороться, цепляясь буквально за все. Хотя, как оказалось впоследствии, врачи рядовой больницы были все-таки правы, а в элитных клиниках просто предпочли деньги искренности. Но надежда, как известно, умирает последней, поэтому женщины боролись за своего любимого отца и мужа до последнего дня. Ради этого Маша в конце концов и забросила учебу, тайком от родителей, чтобы не расстраивать их. Думала, что восстановится в институте потом. Но потом, уже после смерти папы, пришла уверенность в себе, и нужное знакомство, и приглашение на работу в самый престижный ресторан их города, «Метрополь», где нужны были профессионалы, а не студенты-совместители. И Маша, хорошенько все взвесив, решила не упускать этот шанс, а плюнуть пока на высшее образование ради тех денег, которых иначе ей было бы долго еще не видать. Пока не отучится, пусть даже всего только оставшийся год. Пока снова не утвердится на работе уже по новой специальности, при том что работу еще нужно было найти. Стоило ли оно того? В этом вопросе Машино мнение резко расходилось с маминым. Но споры не помогали, и каждая пока что на данном этапе жизни, оставалась при своем. Конечно, Маша

понимала, что не останется официанткой всю свою жизнь, но, пока была возможность, отчего было не обеспечить себе свое недалекое будущее?

– Маш, приехали, – остановив машину у подъезда, Антон не стал ее трясти, как было дозволено, а лишь осторожно тронул за плечо.

– Ага. – Маша зевнула, потянулась, придала спине вертикальное положение, сунула Антону деньги в карман: – Спасибо, Антош. Счастливо доработать.

– А тебе хорошо отдохнуть. Звони, – сказал он ей на прощание.

Маша постояла у своего подъезда, провожая его взглядом и вдыхая прохладную свежесть поздней августовской ночи, плавно перетекающей в утро. Потом окинула взглядом двор. Он был пуст, что ее вполне устраивало. Она прошла к качелям, устроилась в них, смахнув песчинки с сиденья. И, слегка покачиваясь, стала думать. О том приговоре, который вынес сегодня преступный босс человеку по фамилии Вакантов. Могло ли это быть совпадением? Но Машин бывший одноклассник, Глеб Вакантов, вполне мог оказаться тем самым приговоренным. После школы он пошел не в бандюки, как ему пророчили учителя и соседи, а, напротив, устроился работать в полицию. Характер же у него, как можно было догадаться по делаемым пророчествам, еще с малых лет был непростой. На Машин взгляд, Глеб не был задирой, но у него было обостренное чувство справедливости. И при этом он не умел лицемерить и льстить и всегда резал правду в глаза, независимо от того, кому они принадлежали, однокласснику ли или директору школы. А если требовалось, то за правду он готов был кинуться и в бой, не глядя на силы и численность своего противника. Соответственно, врагов он себе наживал еще в школе целыми пачками. Правда, те в большинстве своем предпочитали его тихо ненавидеть, не вступая в открытый конфликт: сухощавый и не очень высокий, Глеб на проверку был гораздо сильнее, чем казался, а в придачу к мускулам брал противника еще и характером. Отчаянный и бесстрашный, он попросту не умел отступать и благодаря этому своему качеству нередко выходил победителем там, где, казалось, не стоило на это даже и надеяться. Уж Маша-то это знала, сама несколько раз была свидетелем того, как превосходящие силы пытались загнать Глеба в угол. Пытались и не смогли. Изменился ли он за прошедшие годы? Маша давно не встречалась с ним, но, зная его по школе, была уверена, что нет, такие, как Глеб, не меняются. Так что он был как раз из тех людей, кто вполне мог испортить жизнь даже главарю бандитов, причем до такой степени, чтобы тот захотел избавиться от него. А значит, нужно его все-таки предупредить. На всякий случай – вдруг речь шла действительно о нем?! И сделать это нужно сегодня, сейчас. Пока разъехавшиеся из ресторана убийцы не отправились на свое задание или не отправили вместо себя других, более трезвых. Ведь кто его знает, вдруг они возьмутся за это именно сегодня? Подкараулят свою жертву, когда она утром пойдет на работу. И все, потом звонить уже будет поздно. Останется лишь прийти на похороны вместе с другими своими одноклассниками и положить на могилу букет... При этой мысли Маша торопливо вытащила из сумочки свой телефон, пролистала список абонентов. Телефоны она меняла уже не раз, но вот симка, на которой она и сохраняла все номера, много лет оставалась прежней. Значит, и телефон Глеба мог где-то сохраниться, хотя они с Машей давным-давно уже не виделись: после окончания школы он, необщительный по натуре, не поддерживал контакта с бывшими одноклассниками. В последний раз они с Машей мимоходом повстречались на улице, где-то года через два после выпускного вечера. И все. Так что о работе Глеба Маша совершенно случайно узнала от других своих одноклассников, встретившихся с ним тоже не по дружбе, а в силу сложившихся обстоятельств. От них же знала о том, что Глебушка по-прежнему весьма нелюдим, в социальных сетях не зарегистрирован и вроде как не женат. Значит, если она попытается дозвониться ему именно сейчас, то в случае ложной тревоги огребет матюгов только от него одного, без подключения его второй половины. Это немного ободряло. Найдя нужный номер, Маша колебалась всего несколько секунд, затем нажала на вызов. И, когда сигнал уже пошел, запоздало испугалась: а не сменился ли номер за это время у самого

Глеба? И не разбудит ли она сейчас другого, совершенно непричастного ни к чему человека? Ведь времени-то около четырех, самый сон!

– Аллю? – раздался из трубки усталый, но не заспанный и вроде как знакомый голос.

– Глеб, ты? – на всякий случай уточнила Маша.

– Машка?! – Надо же, он ее узнал! – Какими судьбами? Да еще в такой час?

– Нам с тобой нужно поговорить, но желательно не по телефону. И чем скорее, тем лучше.

Самым оптимальным вариантом было бы именно сейчас.

Он ничуть не удивился странности такого требования. Немного подумал, потом спросил:

– А ты сейчас где?

– На качелях, возле своего дома.

– Возле дома? А ты адрес не сменила? И никуда не торопишься?

– Не сменила. А тороплюсь... ну разве что в кровать, я после ночной смены.

– Тогда подожди еще минут пятнадцать, выдержишь? Сейчас буду.

– Давай. – Маша отключилась, продолжая покачиваться на качелях. Вроде Глеба она не разбудила. Значит, если выяснится, что произошла ошибка, он не будет на нее за это слишком ворчать. Только чем он таким, интересно, был занят среди ночи, что не спал? Из всех возможных вариантов напрашивались только два: работой или любовными похождениями. Маша усмехнулась, подумав об этом. В школе его дразнили «уголек» за то, что при чисто славянских чертах лица он был жгучим брюнетом с бездонно-черными глазами. И сколько же этими самыми глазами еще в далекие школьные годы было разбито девичьих сердец! В этого диковатого парня влюблялись, невзирая на его сложный характер. А может, наоборот, и из-за характера тоже. И даже Маша, никогда не страдавшая от недостатка поклонников, тоже была в этой компании. Вот только Глеб словно бы и не замечал кипящих вокруг него страстей. По крайней мере, насколько Маша знала, девушкой в школьные годы он так и не обзавелся. Интересно, а как теперь?

Он появился чуть раньше обещанного и так неожиданно, что заставил Машу вздрогнуть.

– Вакантов! – Она едва не подскочила с качелей, уже забыв о том, как быстро и тихо он всегда двигался. – До инфаркта доведешь! Материализовался, блин!

– Сама же звала. – Глеб подошел к качелям, оперся об одну из стоек. Небритый дня два, с запавшими глазами, ставший крепче и шире в плечах, а в остальном почти не изменившийся за пролетевшее время – лицо у него еще в школьные годы выглядело взрослым не по годам. Взглянул на сидящую Машу сверху вниз, наверное, тоже оценивая произошедшие с ней перемены, чуть заметно улыбнулся, встретившись с ней глазами. И, почти сразу переключаясь на серьезный лад, поинтересовался: – Так что у тебя случилось?

– У меня?

– А у кого же? – Он устало прислонился к стойке виском. – Я, конечно, рад тебя видеть, но ведь не просто же так ты вызвала меня сюда, да еще и в такое время?

– Не просто так, – согласилась Маша. – Только случилось не у меня. И не у тебя, возможно, тоже, но я все-таки решила, что тебя необходимо предупредить. Я сегодня на работе ухватила очень интересенький разговорчик. И пусть информации у меня немного, но зато она очень красноречивая. – Тут она рассказала ему о вынесенном несколько часов назад приговоре и принялась подробно описывать тех, от кого она это услышала.

– Машка... – ахнул он, не дослушав и меняясь в лице. – Так это где ж ты работаешь, что бываешь в таких компаниях да в ночное время?!!

– В ресторане. Официанткой. А вот за то, что ты сейчас про меня подумал, дать бы тебе подзатыльник, да подниматься лень. Так что буду должна.

– Ладно, согласен. – Он перевел дыхание. – Прости, конечно. Но посуди сама: а что я должен был подумать? Ты же поступила в институт, сейчас должна была его уже окончить, и быть солидной и строгой дамой-специалистом. А что я вместо этого вижу? Куклу Барби,

яркую, броскую, да еще и работающую по ночам. Да вдобавок ко всему еще и в блондинку перекрасилась.

– А что мне, по-твоему, не идет? – Маша кокетливо поправила локоны. Потом, продолжая покачиваться на качелях, вытянула свои стройные ножки, затянутые в капрон.

– Идет, – ответил Глеб. – Очень. Только я ожидал увидеть тебя совсем другой.

– Я тоже, – откинувшись чуть назад, Маша еще раз оглядела Глеба. – Думала, что ко мне сейчас придет бравый офицер полиции в красивом мундире.

– Ну да. Тогда раньше надо было звонить. Потому что из полиции я недавно ушел.

– Вот те раз! Тогда чем же ты мог помешать этим, из ресторана? Если, конечно, это они тебя имели в виду, говоря про «убрать и закопать»?

– Меня, – кивнул Глеб. – А называют они себя свирелевцами. По фамилии своего первого главаря, ну и еще была у них там одна судьбоносная история, я сейчас не буду вдаваться в подробности.

– Ладно, пусть будет свирелевцам. Но чем ты теперь-то умудрился им не угодить? Мирный, гражданский? Да еще в таких масштабах, что они захотели от тебя избавиться насовсем?

– О-о-о, это особая история. У нас с ними свои счеты, я и из органов-то уволился именно из-за них.

– Это как? – Поскольку качели были двухместные, Маша кивнула Глебу на соседнее креслице. – Ну-ка, садись, рассказывай. Не бойся, качели не сломаем: тут на них уже такие дяди качались, что нам с тобой вдвоем одного не перевесить.

– Нет, Маш, ничего рассказывать я не буду. Незачем тебе это знать, да и вообще, держись ты от этой компании подальше.

– Вакантов, имей совесть! Имею я право хоть кончик носа сунуть в твои дела после того, как предупредила об опасности?

– Ну, сообщила ты мне не новость. Я знал, на что иду, с самого начала. И с кем связываюсь, и на что они способны. Так что, Маш, спасибо, конечно, что не осталась в стороне, но не было необходимости мне звонить. И вообще, ты лучше сотри мой номер.

– Ничего себе, заявочки! А как же я тогда узнаю, если они и в самом деле тебя убьют? Хоть цветочков тебе принести... – Маша посмотрела на него, мрачного, серьезного, усталого, и вдруг поняла, что ее шуточки здесь совсем неуместны. И спросила уже серьезно: – Глеб, у тебя хоть есть теперь где переночевать? Ведь тебе уже нельзя возвращаться в то место, где ты жил еще вчера, потому что там тебя, похоже, вычислили. И если тебе больше некуда, то пойдём ко мне. Мамулю можешь не стесняться, она давно уже махнула рукой на все, что со мной связано. И вообще, она скоро должна на работу уйти.

– Машка, да ты что, не поняла, что я тебе сейчас сказал? Что со мной опасно дело иметь. Так что, даже если бы мне вообще было негде кости бросить, к тебе бы я все равно не пошел.

– Я же сама тебя приглашаю.

– Не понимая, на что подписываешься.

– Ну так расскажи, чтобы я это понимала.

– Да, Саратова, от тебя так просто не отвяжешься, – сдаваясь, он все-таки устало присел на качели. Потом спохватился: – Или ты уже поменяла фамилию?

– Куда уж там! – Маша картинно вздохнула. – По маминым словам, меня замуж вообще никто не возьмет. Так что, возможно, и хоронить меня, старушку, будут под старой же фамилией. Кстати, а у тебя как дела на личном фронте?

– Аналогично. Ладно, давай вернемся к тому, с чего начали. Еще по долгу службы я с моим напарником взялся расследовать дело об угоне машин. Все было четко отлажено, так что сразу становилось ясно, что организывает угоны с перепродажами не просто кучка балбесов, а какая-то серьезная контора. Шаг за шагом мы отслеживали всю эту схему, стали потихоньку знакомиться и со свирелевцами, которые все это затеяли. И в ходе этого расследования

выяснили, что машины, все сплошь очень дорогие иномарки, – это так, детская забава этих ребят. Скорее азартная игра, чем настоящее дело. Потому что источников дохода у них и без этого хватает. По сути, одна эта группировка подмяла под себя большую часть всего города, с выходом в районы. Нет, наверное, ни одной прибыльной сферы деятельности, куда бы они не сунули свой крепкий кулак и своих ушлых юристов. Но самое паршивое, что, как выяснилось, одной из статей их дохода является торговля органами. Сама понимаешь, нелегальная, с жертвами. Едва мы до этого докопались, нам сразу начали поступать угрозы. Мол, ловите, ребята, квартирных жуликов, а к серьезным дядям не лезьте. В любом другом случае мы бы, может, и прислушались к такому совету, уж очень внушительно он прозвучал. Но не тогда, когда за большие деньги разрезают на ливер здоровых живых людей. В общем, продолжили мы с моим напарником, Генкой, все это копать. А потом, в один совсем не прекрасный вечер, когда мы с ним должны были встретиться, он не пришел. Я кинулся его искать. Не стану тебе описывать, в каком состоянии я его нашел – мне самому до сих пор страшно об этом вспоминать. Только вот страшно мне не то, что и со мной могут сделать то же самое – практически расчленив, демонстративно вырезав и печень, и почки, и легкие. Нет, мне страшно, что по нашей земле гуляют такие твари, которые на это способны. Так что остановить им меня не удалось. Так же, как и поймать до сих пор. После того как дело о Генкином убийстве замяли, не став его толком расследовать, я плюнул на все и уволился, написал заявление по собственному желанию. И теперь продолжаю заниматься расследованием, так сказать, в частном порядке. Что, естественно, очень не нравится нашим с тобой общим знакомым из твоего ресторана. Так что, сама видишь, вопрос о гуманности и цивилизованности у нас на повестке дня не стоит. И если только они меня однажды все-таки поймают, то мелочиться не будут и вместе со мной, не раздумывая, уберут и всех тех, кто в этот момент окажется рядом. Поэтому, Машка, сотри мой телефон и забудь о том, что мы с тобой виделись. Так оно спокойнее будет. И тебе, и мне. Поняла?

– Нет. Поскольку я теперь блондинка, то некоторые вещи доходят до меня не с первого раза. Например, как ты сейчас вообще живешь? Где, на что?

– Саратова, а ты все та же липучка! На что? Периодически подрабатываю, квартиру продал – все равно мне там нельзя больше появляться. Да и долго ли я мог бы еще ею пользоваться – тоже вопрос. Где – это отдельная песня. Скажем так, кочую. Ну а как? Да почти как обычно, только чуть осторожнее, чем прежде. Никто еще, если ты заметила, за мной по пятам с пистолетом не ходит, ожидая, когда я подставлю затылок. Машину мне заминировать? Так я ее бросил давно. И вообще, сам факт того, что меня приговорили, для меня мало что значит. Можно утешиться тем, что ежедневно таким же образом в мире приговариваются десятки людей, но все-таки далеко не каждый из них оказывается мертв. Так что, по большому счету, я рискую не больше, чем какой-нибудь политик или банкир. Или даже меньше: пусть у тех есть охрана, зато они, как люди публичные, и в поступках своих предсказуемее, чем я, и в толпе заметнее издали.

– Так что ты меня-то тогда запугиваешь? – возмутилась Маша. – Опасно с тобой и прочее? Сгущаешь тут краски для окружающих.

– Я знаю, чем рискую, и к этому готов. Но никого в это впутывать не намерен. Вспомни, что я тебе рассказал о своем напарнике, Генке. Больше к этому мне нечего добавить.

– Ладно, – сдалась Маша. – Серьезный у нас с тобой разговор получился. Такой лучше было бы вести на ясную голову, а не после того, как отработана ночь. Так что я его еще обдумаю на досуге. А телефон твой даже и не подумаю стирать, и не проси. Мало ли, вдруг мне снова что-то потребуется срочно тебе сообщить?

– Машка, да какими словами еще с тобой разговаривать? – Глеб развернулся к ней и повысил голос, теряя терпение: – Если тебе что-то потребуется срочно сообщить, то ты считаешь до десяти и спокойно забываешь об этом. И все. Дальше уже мои проблемы. Ясно тебе?

– Нет, не ясно. И ты звони мне, если все-таки что-то вдруг потребуется.

Глеб воззрился на нее своими бездонными, как омут, глазами:

– Машка, ну ум у тебя есть или нет? Что, неприятностей захотела? Можешь ты мне объяснить, зачем тебе это нужно?

– Например, затем, что и у меня к этим гадам могут быть свои счета, которые я тоже не отказалась бы с ними свести. А еще потому, что я нормальный человек, который не станет спокойно взирать на то, как какие-то сволочи пытаются обидеть его одноклассника.

Глеб как-то потерянно рассмеялся, покачал головой.

– Кстати, мог бы хоть иногда и в «Одноклассники» выходить, – укорила его Маша. – Чтобы уж точно знать, кто и когда поменял фамилию.

– Только этого мне еще и не хватало, при моем-то нынешнем полулегальном положении! Да и сомневаюсь я, что в таких деревнях, как Закатовка и ей подобные, берет Интернет. Какие уж тут «Одноклассники»! И вообще, мне это ни к чему. Про тебя вот узнал, а остальные меня мало волнуют.

– Вакантов, да что хоть ты дикий-то такой? Каким в школе был, таким и сейчас остался, даже прошедшие годы тебя нисколько не изменили.

– Не дикий, Маш. Просто всегда был сам по себе.

– Да, как будто мы тебя с собой куда только не звали! А ты нас только стороной обходил, даже не пытаясь присоединиться. И это при всем при том, что на тебя западала как минимум половина девчонок в классе. Да и пацаны тебя уважали.

– Машунь... Видишь ли, вы все жили с родителями, как у Христа за пазухой. А меня одна только бабушка воспитывала. Я, конечно, мог у нее попросить и на дискотеку, и на всякие там походы с шашлыками, и на кино с девочками. И она мне эти деньги, возможно, даже бы и дала, поскольку я и сам нередко приносил их домой, подрабатывал. Но при этом я бы точно знал, что она оторвет их не от меня – от себя. Лишнего куса не съест, сапоги себе на зиму не купит. Как ты считаешь, оно того стоило?

– Прости. Я как-то никогда об этом не думала. А ты-то что раньше молчал?

– Я только сейчас, по прошествии лет, могу спокойно об этом говорить. А тогда бы морду разбил любому, кто посмел бы заикнуться о наших с бабулей проблемах.

– Да, – многозначительно вздохнула Маша. – Теперь-то я понимаю, отчего ты был таким. Дерзким, ершистым, вспыльчивым. Пальцем тебя не тронь. Тогда, в раздевалке спортзала – помнишь? – ты на меня так рывкнул, что у меня аж душа едва в пятки не провалилась.

– Еще бы не помнить, – усмехнулся Глеб. – Хотя насчет провала души ты мне тут не привирай, не было такого. Да и не рывкал я на тебя вовсе, просто на повышенных тонах отчитал. А вспылил оттого, что, как ты сама теперь догадаться можешь, нижнее белье на мне было не самое шикарное. Я и задержался специально, ждал, когда все пацаны из раздевалки уйдут, чтобы после этого спокойно переодеться. И как только они вышли, тут ты без стука нарисовалась, прям как назло. Ну как тут было на тебя не наорать?

Оба замолчали, вспоминая то происшествие в раздевалке. Точнее, на выходе из спортзала, где были двойные двери с большим промежутком между ними – на время ремонта, из-за чего-то срочно устроенного в раздевалке у мальчиков, их переселили переодеться туда. И если девочки опаздывали в свою раздевалку или, наоборот, выходили из нее чуть раньше после урока, то неизбежно сталкивались у выхода с не успевшими окончательно переодеться мальчишками. Те и ругались, и просили стучаться – бесполезно: во время ремонта эта импровизированная раздевалка стала единственным местом, где девчонки могли отыгаться за мальчишечьи козни, учиняемые во всех остальных уголках школы. Так и получилось, что однажды Маша застала в раздевалке полураздетого Глеба. Он, и так с утра бывший не в духе, быстро прикрылся сорванным с вешалки пиджаком и напустился на Машу с яростной отповедью. У нее же, напротив, в тот день настроение было даже слишком игривое. Поэтому вместо того

чтобы огрызаться на разгневанного парня, она легким движением руки задрала на себе блузку, демонстрируя ему свой красивый ажурный лифчик, соблазнительно облегающий уже вполне заметную девичью грудь. И когда мгновенно умолкнувший Глеб застыл перед ней словно статуя, спросила с усмешкой:

– Ну что, Вакантов, в расчете?

– В расчете, – буркнул он в ответ, с трудом отводя от Маши глаза. И дня два после этого старался вообще не смотреть в ее сторону. А ее это только забавляло.

– Что, до сих пор веселишься? – спросил Глеб, глядя на улыбнувшуюся при школьных воспоминаниях Машу. И сам не удержался от улыбки: – Да, ты тогда сумела меня ошарашить! Такого я, признаться, даже от тебя не ожидал, от самой озорной вредины в классе.

– Это я-то вредина? Кто бы говорил? – шутливо возмутилась Маша. Потом вздохнула, возвращаясь к настоящему и снова настраиваясь на серьезный лад: – Кстати, а бабушка твоя сейчас как?

– Бабушка умерла три года назад. Ты ведь не думаешь, что я смог бы оставить ее без крыши над головой? Нет, будь она жива, я не стал бы продавать квартиру.

– Прости, я как-то сама об этом не подумала. Так ты что теперь, совсем-пресовсем один?

– Самое то для того дела, за которое я взялся. Я ни к чему не привязан, на меня не через кого надавить. Так что дееспособен вплоть до полного физического устранения.

– Ясно. Но ты все-таки постарайся, чтобы этого самого устранения не случилось, хорошо? Я очень тебя прошу. И если вдруг что, ты все-таки обращайся, звони мне. У нас с мамой, например, есть дача, на которую она почти никогда не ездит. Ты бы мог там укрываться, хоть иногда. Ну и делом каким, если что, я тебе все-таки постараюсь помочь.

– Так, Саратова, все, – теряя терпение, Глеб поднялся с качелей. – Опять ты за свое. Можно подумать, что у тебя шарманка сломалась. Заела.

– Зато твоя дерзилка исправно работает, – усмехнулась Маша. – Да и сам ты все такой же, ни капельки не изменился, как я погляжу.

Он замер, глядя на нее, снова начавшую покачиваться на качелях.

– Любуешься? – предположила Маша, прищуривая глаза в чуть заметной лукавой улыбке. И, поскольку он не ответил, предложила, сдерживая смех: – Хочешь, еще раз покажу? Хуже не стала!

– Ну и зараза же ты, Машка! – заметно смутившись, выдохнул Глеб.

– Да, я такая. – Она кокетливо поправила локоны.

Он скупно улыбнулся, еще ненадолго задержав на ней взгляд. Потом кивнул:

– Ну все, я пошел. Спасибо, что предупредила. И рад был тебя повидать. Но больше чтоб мне тебя не видеть и не слышать, ясно? С третьего раза, надеюсь, даже до блондинок доходит?

– Это когда как, – ответила Маша уже ему в спину. Проводила глазами его быстро скрывающуюся за деревьями фигуру. Вздохнула: еще в школе ее не оставлял равнодушной этот хмурый черноглазый отшельник. Да и он относился к ней несколько иначе, чем к остальным, порой позволяя ей по отношению к себе гораздо больше того, что позволил бы кому-то другому. Особенно после того случая, в раздевалке. Она могла безнаказанно спихнуть на этого ершистого парня свою школьную сумку на полпути из одного кабинета в другой, подойти и бесцеремонно перевязать ему небрежно завязанный галстук, за углом школы вытащить у него изо рта сигарету, зацепить иногда задорной шуточкой, и немало чего еще. Нельзя сказать, чтобы он был от ее действий в восторге, но терпеливо сносил. При всем при том, что терпение не было его добродетелью. Она же упивалась своим особым статусом и тайной завистью подруг, не сумевших добиться от Глеба такого же отношения. И вот сегодня он откликнулся на ее зов, едва она ему позвонила. Интересно, позвони ему кто другой, он тоже пришел бы, невзирая на усталость и ранний час? Маше отчего-то хотелось думать, что нет. А еще оставалось сожаление, что Глеб ушел так быстро...

Машины мысли были нарушены шумом метлы: это где-то на углу дома начал свой рабочий день их дворник. Маше же, наоборот, пора было и на покой, она ощущала это всем своим уставшим организмом. Так что, покинув качели, она приветственно помахала рукой дворнику и наконец-то пошла домой.

Мама уже встала: она была жаворонком по натуре, а кроме того, обеды всегда готовила с утра, перед работой.

– Приветик! – Маша скинула в прихожей свои босоножки, пошла переодеваться.

– Явилась, непутевая дочь? – Мама мелькнула на пороге кухни с дымящейся ложкой в руке.

– Путевая! – привычно возразила Маша. – А еще умница и красавица.

– Начет красавицы не могу возразить, – донеслось до Маши в ее комнату. – А вот насчет умницы имеются очень серьезные сомнения.

– Отбрось их все прочь, даже не сомневайся! – переодевшись, Маша отправилась в ванную. И уже оттуда услышала:

– Отброшу, когда в институте восстановишься.

– Все как всегда, – проворчала Маша, аккуратно снимая тампоном макияж. Задержала взгляд на своем отражении в зеркале. Без «боевой раскраски» она выглядела бледнее, но зато гораздо моложе своих лет. Довольная результатом, Маша сложила губки, посылая отражению воздушный поцелуй, и скользнула под душ. Налила на губку гель с ярко выраженным ароматом пиона. Кто как, а она непарфюмированной косметики не любила, получая мощный эффект от ароматерапии.

Страхнув с себя в душе все тревоги и напряжение пролетевшей ночи, Маша наконец-то появилась на кухне. Оценила взглядом степень готовности маминого супчика, после чего полезла в холодильник, делать себе бутерброд. Кетчуп, листья салата, лепесток сыра, побольше кунжута и кусочек отварной говядины.

– Ты с кем там на улице-то болтала? – спросила мама.

– Одноклассник мой бывший, Глеб Вакантов. Помнишь его?

– Ну еще бы не помнить! На каждом родительском собрании был притчей во языцех. Я все ожидала, что его в один прекрасный день вытурят из школы. Хотя в общем он, по-моему, был не таким уж и плохим, как его рисовали.

– Не плохим, – согласилась Маша. Пользуясь тем, что мама стояла, повернувшись лицом к плите, она украдкой пристроилась так, как любила – села на краешек стола. И добавила: – А из школы бы его не вытурили, нет. Может, сейчас, когда ЕГЭ ввели, но не тогда. Потому что даже те из родителей, кто больше всех на него возникал, хорошо понимали, что его исключение из школы им не на руку. Все дело было в том, что у Глеба всегда была светлая голова, и он очень многих вытягивал на контрольных, особенно на годовых. Правда, делал это без особой душевности, скорее пренебрежительно, но никому не отказывал в помощи, а утопающим в те моменты было уже не до таких мелочей, как его косой взгляд. Химия, физика, математика... Если бы не он, то средний балл по классу был бы куда ниже. Оттого его и терпели как учителя, так и многие родители. Хотя при этом половина из них, наверное, зубами скрипела от злости.

– Я была не в их числе, наоборот, переживала, чтобы парню все-таки дали доучиться. А что, он и тебя вытягивал?

– Бывало дело. А ты что, думала, я была намного лучше остальных шалопаев? Особенно когда перед контрольной была дискотека и головка с утра бо-бо. – Маша примолкла, вспомнив случай, когда ей действительно оказалось несладко. Но Глеб бросил ей на стол шпаргалку, сам, не дожидаясь, когда она всем своим видом начнет молить его о помощи. А когда она, поняв, что спасительная бумажка ниспослана именно ей, благодарно приложила руку к сердцу, отвернулся, пытаясь скрыть улыбку, что, как и непрошенная шпаргалка, тоже было чудом, поскольку улыбался он крайне редко.

– Про шалопаев – это ты точно заметила, – выключив плиту, мама повернулась к Маше. И тут же строго прикрикнула: – А ну, ляжки свои быстро со стола убрала! Да что это за дурная привычка?!

Не дожидаясь, пока мама отыщет взглядом кухонное полотенце и скрутит его, чтобы применить не по назначению, Маша быстро перескочила со стола на табуретку. Мама все-таки отыскала полотенце, взяла его в руки.

– Не успела, не успела! – поддела ее Маша.

– Я в следующий раз ремень с собой на кухню возьму, – пригрозила мама. Но любопытство оказалось сильнее, поэтому она снова переключилась на прежнюю тему: – А сегодня-то этот Глеб зачем к тебе приходил?

– Да так, поболтать. Так что если ты рассчитываешь хотя бы за него меня замуж спихнуть, то даже и не надейся, тоже ничего не получится.

– Да кто тебя, дуру такую, спихивает? По мне, так, как мы с тобой сейчас живем, даже и лучше: не надо к зятю притираться характером, не надо переживать за тебя во время ваших ссор. Только смотри, Машка! Жизнь идет, никого ждать не будет. Я не вечная, и вообще плохая замена полноценной семье, с мужем и детьми. А ты досидишься в девках до того, что однажды поймешь, что больше уже никому не нужна и что все поезда разъехались.

– Буду ловить такси, – невозмутимо ответила Маша.

– Ой, да что с тобой говорить! Ты же упертая, как осел! И по образованию от него недалеко ушла.

– На среднюю школу и четыре курса в универе, – уточнила Маша, любовно поправляя сбившийся листик салата на остатках бутерброда.

Мама что-то хотела ей возразить, но потом махнула рукой. Да и знала уже, что все равно все ее слова ни к чему не приведут. Что ее упрямая дочь все равно будет стоять на своем и жить так, как ей нравится. Работая в ресторане, собирая у себя друзей или же убегая к ним. И упорно не желая обременять себя ни учебой, ни семейной жизнью.

Наблюдая за мамиными сборами, Маша медленно доела свой бутербродик, сполоснула руки. Потом поцеловала маму на прощание и отправилась в свою комнату. Разумеется, спать. Но легла не сразу. Вначале постояла у окна, разглядывая пустующие качели. Вспоминая Глеба и свой недавний с ним разговор. Да, ввязался парень в нешуточную игру. Далеко не каждый на такое решится. Но Маша, несмотря на все его предупреждения, испытывала большое желание помочь ему всем, чем только будет возможно. Не только потому, что симпатизировала ему. И не только потому, что любила в меру острые ощущения – тут-то как раз о мере речь уже и не шла. Нет, была у Маши еще и другая причина. Просто ей тоже было за что расквитаться с этими свирелевцами. В одиночку у нее на это не было шансов, но вот если присоединиться к Глебу... Маша вздохнула, отошла от окна. Но лечь все еще не спешила, взбудораженная своими воспоминаниями. В ее работе было, наверное, меньше грязи, чем представлялось маме, но все-таки гораздо больше, чем можно было мечтать. Официантки, почти как и стюардессы, были яркими цветами, украшающими рабочее место. Но в то же время вкалывающими порой, как последние рабы, только не в самолете, а на земле. И главное – уязвимыми. Незащищенными в первую очередь от грубости и хамства клиентов. Только начиная работать, Маша и не ждала, что ей будет легко, поэтому довольно быстро закалилась, внутренне зачерствела, приучив себя не брать все близко к сердцу. Но это она надела внутреннюю броню от слов. А ведь еще оставались действия. Такое, к счастью, случалось гораздо реже. За годы Машиной практики – всего два раза. И один из этих двух раз произошел с ней самой. Когда по пути из зала на кухню ее реально попытался изнасиловать один из этих самых свирелевцев. Догнал в служебном коридоре, зажал в углу, разорвал на ней юбку. К счастью для Маши, ей на помощь подоспел их сотрудник, молодой повар Ванечка, совсем еще парнишка. Ему удалось вырвать Машу из лап пьяного подонка. Потом всем коллективом ее успокаивали на кухне, стараясь унять охватив-

шую ее истерику. А еще позже, дня через два, Ванечка оказался жестоко избит на улице, когда вечером возвращался домой. Может, это было и простым совпадением, но Маше в это мало верилось, хотя доказательств у нее и не было никаких. Ее спаситель упорно молчал, как она ни пыталась его выспрашивать. Однако само его молчание Маше много о чем говорило. В больнице она навещала его каждый день, после они не виделись – парень был уволен без объяснения причин. Все, что Маше оставалось, – это помочь ему деньгами, пока он не восстановится. Сделала она это тайком от него, через его мать, отказавшись ради этого от покупки сережек с бриллиантами, на которые копила. Но это была такая мелочь в сравнении с тем, что сделал ради нее этот паренек! Только вот сделает ли еще хоть когда-нибудь, отважится ли повторить свой подвиг, если снова так сложатся обстоятельства? Больше всего Маша опасалась как раз того, что парню изломали не столько тело, сколько душу. И всякий раз, как только она вспоминала о нем, ярость душила ее. Ярость на того подонка, который как ни в чем не бывало продолжал гулять в их ресторане вместе с остальными. На Машу он, правда, больше не посягал, но и это ее мало успокаивало. И потом, кроме него были ведь и другие. Например, бандит со странной кличкой Керубино, один из ближайших подручных седого львиноголового босса. Он не делал попыток приставать к Маше, но порой так на нее смотрел, пристально, вызывающе, что она нисколько не сомневалась в том, что пока защитой от него ей служит только внимание их босса. Однако события могли по-всякому развернуться. Маша, со времени первого нападения успевшая освоить несколько полезных приемов самообороны, точно знала, что не станет безропотной жертвой. Но во что все это выльется, пока можно было только гадать. То, что ее в этом случае уволят, уже не вызывало сомнений.

– В общем, не отделаешься ты теперь от меня, Глебушка, – прошептала она, наконец-то укладываясь в свою постель с пышным пуховым одеялом. – У меня этим подонкам тоже есть что предъявить.

За прошедшую вслед за этим днем неделю Маша ничего не слышала о Глебе, что, впрочем, было неудивительно, ведь она и раньше слышала о нем крайне редко. Не раз у нее за эту неделю мелькала мысль позвонить ему и узнать, как он там, но она всякий раз воздерживалась: не стоило испытывать терпение Глеба попусту, а то ведь вообще с ней связь оборвет. Нет, уж если и связываться с ним, так тогда, когда ей действительно будет, что ему сказать. А там – как знать? – может, он уже поймет, что она и в самом деле может быть ему ценной помощницей. Пока же новостей не было, и Маше оставалось только поглядывать на свой телефон.

А приблизительно через неделю (праздники у «вольных тружеников» свирелевцев не приурочивались к выходным) в ресторане снова был устроен банкет. Едва появившись на работе, Маша уже была в курсе того, что вечер предстоит не из приятных. И дело было не только в самих свирелевцах, а еще и в той живой музыке, которая была сегодня ими заказана. Переодеваясь, Маша с раздражением слушала восторженный щебет парочки своих коллег-официанток, обожающих приглашенного сегодня певца. Сама она в круг его поклонниц не входила: хоть известный певец Назар Лучезаров и обладал красивым голосом, но, на Машин взгляд, это был совсем не повод для того, чтобы обожествлять себя, как он это делал. Тем более что, кроме голоса, и гордиться-то больше было нечем: внешность Назара была очень далека от идеала. Правда, большинство знакомых девчонок (не иначе как охваченных массовым психозом!) и о внешности его говорили с восторженным замиранием голоса. По Машинему же мнению, если певец и был когда-то красив, то эти времена уже канули безвозвратно. И она только удивлялась тому, как может вызывать восхищение пустоглазый пропойца, у которого в лице почти ничего и не осталось, кроме следов былых кутежей. К великой Машиней досаде, Назара между выступлениями нередко приглашал к себе за столик сам босс, так что по закону подлости обслуживать певца приходилось именно ей, которая его на дух не переносила. Поэтому она уже заранее знала, что сегодня ей непросто будет носить на лице дежурную улыбку. Но

работа оставалась работой, поэтому Маша обыденно отбросила от себя свои мысли, переоделась, заколола волосы и шагнула за порог раздевалки. Необходимо было накрыть столы к появлению гостей, арендовавших полностью весь зал.

Едва свирелевцы появились в ресторане, как веселье начало набирать обороты. Живая музыка, пока без певца, гомон, крики. Маше эта компания нередко напоминала какой-то фильм про оживших в музее дикарей – так резко не соответствовала роскошная обстановка зала поведению набившихся в него гостей. Разве что одеты гости были прилично. Один только седоголовый босс – как там его звали? Никифор Львович, если Маша ничего не путала – степенно прошествовал на свое место, так же степенно сел на пододвинутый ему стул, с прежней снисходительностью оглядывая своих веселых подручных, вместе с их женами или подружками. На сцене появился ведущий, озвучивший причину сегодняшнего праздника. Оказывается, у «сплоченного трудового коллектива» сегодня был юбилей. Маша, уже наслушавшаяся от Глеба об их подвигах, только головой покачала при мысли о том, сколько же успели натворить эти молодцы за прошедшие десять лет. Хотя, по словам ведущего, заливающегося соловьем, выходило, что на этой компании держится чуть ли не вся страна. Прислушиваясь чисто из любопытства – понимала ведь, что истины со сцены все равно никто не скажет, – Маша с удивлением узнала названия нескольких известных корпораций, совладельцами которых являлись свирелевцы. С неменьшим удивлением услышала она и о меценатской деятельности собравшейся здесь группировки. То ли ведущий вконец заврался, делая комплименты, то ли и в самом деле свирелевцы не были лишены нормальных человеческих чувств, что как-то странно сочеталось с торговлей органами. Впрочем, может, просто пытались таким образом откупиться от Бога? Не секрет ведь, что многие нечистые на руку субъекты пытаются в этой жизни приравнять Всевышнего к когорте наиболее влиятельных чиновников, которых тоже можно купить, если только взятку дать покрупнее. Машу подобная позиция лишь сместила – ну разве можно откупиться от чистой совести, от высшего правосудия? Однако многие воспринимали такую возможность всерьез. От этих мыслей Машу отвлек «сладкоголосый» Лучезаров, сменивший на сцене ведущего. Вначале спел что-то пафосное, соответствующее праздничному поводу, затем пошел любимый всеми пирующими шансон. Шум в зале окончательно стих, сменившись звоном рюмок о рюмки и вилок о тарелки: блюда в этом ресторане соответствовали его роскошной обстановке, так что невозможно было не отдать им должное. Официанты неслышными тенями заскользили между столами, сменяя опустевшие тарелки на новые блюда. Маша привычно обслуживала главный стол. Ей оставаться тенью не удавалось: босс сегодня снова обращал на нее внимание, задерживая около себя подольше. Она, как всегда, улыбалась ему в ответ. Это становилось у них уже чем-то вроде игры с неизменными правилами. Машу они вполне устраивали. Что же касается босса, то он по-прежнему продолжал загадочно молчать, лишь интригуя ее своим вниманием.

– Назар, отдохни немного! – После очередной исполненной песни босс благосклонно кивнул певцу. Позвал он негромко, но голос большого человека неспособен был заглушиться никаким шумом: его слышали. Лучезаров оставил свой микрофон и пошел через весь зал, с эстрады к столу, за который его пригласили. Маша успела быстро среагировать, и к тому моменту, как он достиг стола, там уже стояли прибор и рюмка, которую она наполнила по знаку босса, принявшись затем обслуживать и остальных.

– Будь здоров, Назар. – Босс чокнулся с Лучезаровым. – Пусть твой голос радует нас еще долгие годы.

– Постараюсь, Никифор Львович, – скромно ответил певец: этот тип хорошо знал, где можно задирать нос, а где этого делать не стоило.

– Постарайся. Я сегодня хочу еще немало песен услышать в твоём исполнении. Ведь когда еще удастся так посидеть?

– Я слышал, вы в скором времени собираетесь нас ненадолго покинуть?

– Да. Слетать в теплые края, погреть косточки. Заодно и здоровьишко подправить. Нужная мера, которой не стоит пренебрегать.

– Да, в нашем возрасте не стоит забывать про здоровье, – поддакнул Назар.

– Ну, Назарчик, – босс снисходительно усмехнулся, откидываясь на спинку стула, – ты-то себя со мной не сравнивай. Я буду лет на двадцать постарше тебя. Да и ходки мои тоже оказали свое влияние на общее самочувствие.

– Да и мне ведь тоже, Никифор Львович, однажды пришлось...

Назар? Сидел? Тут Маше в кои-то веки стала интересна их беседа. Но как назло, именно в этот момент за столом решили сделать очередной заказ, так что продолжение этой истории Маше узнать было не суждено. В своей официальной биографии, насколько было известно Маше, Лучезаров никогда не упоминал о факте отсидки. Скрывал сей отрезок жизни от широких масс? Или на самом деле ничего такого не было, и он просто сейчас рисуется перед боссом? Вот и поди угадай теперь! Потому что когда Маша принесла поднос с заказанными блюдами, за столом, разумеется, говорили уже совсем о другом. Потом Назар и вовсе вернулся на сцену. С течением времени веселье в зале набирало обороты. Несколько пар, покинув свои места за столом, теперь танцевали. За одним столиком голоса становились все громче, выходя за общие шумовые пределы – там о чем-то спорили. За другим жеманно взвизгнула какая-то девица – не иначе как ущипнули. Маша на ее месте не стала бы визжать, а с ходу залепила бы нагледцу оплеуху. Но она и в такой компании, как эта, не стала бы гулять. В соответствии с меняющейся обстановкой в зале поменяли освещение: пригасили огромные верхние люстры из бронзы и хрусталя, зато добавили подсветку, не с лепного куполообразного потолка, а удачно скрытую в рельефе стен. Давно вернувшийся на сцену Лучезаров в очередной раз оставил микрофон, снова ушел на передышку. На этот раз – за кулисы, поскольку босс его к себе больше не приглашал. В зале заработали кондиционеры, предотвращая появление духоты. Маша специально прошла с очередным подносом так, чтобы ощутить на себе веяние свежего ветерка. Он бодрил, прогоняя испарину на теле. А главное, сулил скорую свободу: кондиционеры в их зале с высокими потолками в это время года включали не раньше середины вечера, так что можно уже было тешить себя тем, что осталось продержаться не больше половины рабочей смены. А потом – снова такси, душ и пуховое одеяло. И чудесное осознание того, что ты принадлежишь сама себе и можешь делать то, что ты хочешь, а не выполнять служебные обязанности. Это было великолепно! Но до этого счастья еще нужно было дожить. Об этом Маше напомнила чья-то мелькнувшая в воздухе завешенная золотом волосатая лапа, в пьяном запале то ли попытавшаяся ее ухватить, то ли хлопнуть по ягодице. Маша, как всегда, виртуозно этого избежала, но больше не позволила себе расслабляться даже мысленно – в этой дичающей на глазах компании нужно было сохранять бдительность, словно в первобытном лесу. А ходить ей приходилось много – босс обычно соблюдал умеренность в еде, но вот что касалось его подручных, то приходилось лишь удивляться, куда в них все влазит. Впрочем, может, оно было и к лучшему, что они плотно закусывали, потому что выпито в этот вечер тоже было немерено. К своему удивлению, Маша заметила, что даже сам босс, обычно никогда не позволявший себе сильно хмелеть, сегодня превысил обычную планку. Причем настолько, что постепенно это уже начало бросаться в глаза. Свою роль тут играли постоянные поздравления с юбилеем и тосты, как среди самих свирелевцев, так и с теми, кто приехал поздравить их в этот день. Сегодня народа было много как никогда, в том числе и за главным столом, который в обычные праздники оставался полупустым. Но сегодня за него время от времени присаживались и свои, и на куда более долгий срок садились приехавшие гости, надо думать, не из рядовых. Маше сфотографировать бы их для Глеба тайком, вдруг бы да пригодилось. Но когда? Ни секунды свободной не было! Она почти с ног сбилась, привлекая и младших официантов, чтобы с обслуживанием ее стола не возникло никаких заминок. Не ради того, чтобы выслужиться, а просто из профессиональной гордости. Ведь, что бы ни говорила там мама, а если Маша за что-то бралась, то стремилась

сделать это всегда на «отлично»: училась ли в универе, готовила ли дома борщи, обслуживала ли на работе клиентов... Другое дело, что она мало за что бралась, особенно дома, но это была уже совершенно иная тема. Пока же оставалась шумная реальность, в которой наконец-то дошло дело до чая с тортом. Маша очень сомневалась в том, что сейчас уже кто-то будет есть сладкое, а тем более пить чай, но заказ был сделан заранее, так что выполнить его нужно было по полной программе, даже если кто-то просто собирался уткнуться в свой кусок торта лицом. Чувствуя близкий конец рабочей смены, Маша в который раз отправилась с большим, сверкающим серебром и позолотой подносом из зала на кухню. О том, что вечер подходит к своему логическому завершению, ей говорили не только время и смена блюд, но еще и изменившаяся обстановка в зале: шум постепенно начинал стихать, веселье пошло на убыль, потому что сытые и пьяные посетители начали уставать от своего разгульного праздника. На кухне тоже царил затишье: судя по струйке свежего воздуха от служебного входа, несколько не занятых сейчас обслуживанием ребят ненадолго вышли на крыльцо, передохнуть. Но Маша и без них хорошо знала, где находятся чайные приборы, приготовленные специально для главного стола. Оставалось только взять их и отнести. Она шагнула вдоль кухонной стойки. Шорох за спиной ее не насторожил: скорее всего, это кто-то из коллег по работе тоже пришел из зала, куда с минуты на минуту должны будут вкатить специальный столик с огромным юбилейным тортом. В этом заблуждении Маша пребывала ровно до той секунды, как кто-то обхватил ее сзади руками. В затылок ей ударило горячее дыхание, густо сдобренное винными парами, тотчас же достигшими ее ноздрей. Уже по одному только этому можно было не сомневаться: кто-то из гостей прокрался за ней следом. Но тут прозвучал и голос:

– Вот наконец мы с тобой и вышли из зала!

Голос был глухим, взбудораженным, но Маша его все-таки узнала. Керубино! Тот самый подручный Никифора Львовича, который и раньше позволял себе бросать на Машу похотливые взгляды. А сегодня напившийся так, что отказали у него и тормоза, и чувство уважения к боссу. Этого только не хватало! Пока Маша осознавала происходящее, мужчина крепче прижался к ней, заставив почувствовать спиной все неровности на его горячем теле, и одна его рука целеустремленно, как-то по-деловому скользнула вдоль Машиного бедра, к нижнему краю юбки. Тут-то Маша наконец вышла из охватившего ее оцепенения! Носить длинные ногти на ее работе было запрещено, но и той длины, что была, помноженной на охватившую Машу злость, хватило, чтобы у Керубино тут же пропало его похотливое настроение. Ногти у нее были крепкими от природы, и, пользуясь этим, она не вогнула их в своего обидчика, а полоснула его ими с силой и яростью загнанной в угол тигрицы, так что ему не помогла даже его алкогольная анестезия. Вскрикнув, он отдернул исцарапанную руку; из второй его руки, все еще обхватывающей ее за талию, но уже не так крепко, Маша в следующую секунду вывернулась сама. Развернулась к распоясавшемуся подонку лицом, но больше ничего не успела, потому что он ее снова схватил, на этот раз за грудки. Теперь со злостью выдыхаемый им перегар бил Маше прямо в лицо. Блузка затрещала, на пол полетели пуговицы. Но Маша еще после первого нападения на нее поклялась, что никогда не станет безропотной жертвой чьего-либо насилия. Пусть при этом даже убьют! Ни секунды не колеблясь – если уволят, мама будет только рада! – она коротко ударила подонка своим лбом прямо в нос. И не успел он еще разжать свои лапы, как Маша заметила рядом, на столе, серебристый цилиндр – шейкер. Она схватила его, тяжелый, удобно легший в руку, но замахнуться времени не хватило – теперь и Керубино ее ударил. Шансов устоять на своих высоких каблуках у Маши не было ни единого, и она отлетела к стене, опрокинув при этом пару кастрюль. Опираясь на стену, быстро вскочила, пока Керубино еще не успел приблизиться. Бежать было некуда, но хорошо, что хоть шейкер остался в руке. Маша крепко стиснула его, вжавшись в стену и неотрывно глядя на надвигающегося подонка, огромного словно шкаф. Распаленного, раскрасневшегося, с кровавыми разводами на лице.

– Что здесь происходит? – Это наконец-то на шум стали собираться люди. Вопрос задал Машин шеф, администратор ресторана, но Керубино на него даже не оглянулся. Впрочем, Маша не была уверена, что шеф спрашивает именно у него, а не у нее, ведь клиент в их ресторане всегда оставался прав. Особенно с карманами, полными денег. А это означало, что на помощь она вряд ли могла рассчитывать. Только на саму себя, что она и делала. Дождалась, когда бандит окажется перед ней. Не сводя с него глаз, она до последнего мгновения гадала, что он сейчас попытается сделать: ударить или схватить ее? Маша рассчитывала, что успеет уклониться от удара, но бить он ее все-таки не стал, просто протянул к ней свои жаркие липкие лапы. Она позволила ему снова себя обхватить. Он стиснул Машу так яростно, что у нее затрещали ребра, но, самое главное, она успела отвести одну руку в сторону так, чтобы она не попала в этот захват. А в следующее мгновение, пользуясь тем, что бандит не видит, чем занята эта ее свободная рука, она двинула его шейкером прямо в висок, вложив в этот удар всю свою силу. Сзади кто-то из зрителей вскрикнул, но Маше на это было наплевать. Керубино пошатнулся, и она снова оказалась свободна, оттолкнув его от себя. Вопреки ее ожиданиям, он не упал сразу на пол без чувств, но оглушить его ей все-таки удалось. Потеряв и координацию, и способность соображать, он, пошатываясь, оглядел замершую в напряжении Машу бессмысленным взглядом. Потом сделал неуверенный шаг в сторону и начал медленно оседать. Из раны на голове текла тонкая темная струйка, расползаясь по плечу и по рукаву.

– Ты же убила его! – истерично крикнул шеф, кидаясь к упавшему.

– Отсижу! – Бледная и дрожащая, но совсем не от страха, а от гнева, Маша со всего маху саданула упавшего бандита ногой, мстя не только за себя, но и за всех тех, кто наверняка успел раньше побывать на ее месте. За тех, кто вырвался, и за тех, кто не смог. Кто-то из своих схватил ее сзади за плечи, оттаскивая прочь, но она успела пнуть бандита напоследок еще пару раз. Жаль, лежал так, что в пах было не попасть! Чтобы, если вдруг ее все-таки посадят, так уж наверняка знать, что действительно за дело! Чтобы знать, что этот гад никогда и никого больше не сможет...

– Что здесь происходит? – вопрос был задан тот же самый, что и пару минут назад, но совершенно другим голосом. Вроде бы и тихим, но тем не менее на него непроизвольно обернулись все присутствующие, включая начавшего приходить в себя Керубино, все еще сидящего на полу. Неизвестно, что побудило львиноголового босса свирелевцев заглянуть на кухню – то ли таинственное исчезновение его подручного, то ли еще какая-то причина, – но он был здесь, собственной, значимой и важной персоной.

– Никифор Львович, произошло досадное недоразумение... – заискивающе зачастил Машин шеф. Этого она вынести не могла!

– Просто ваш сотрудник не умеет держать при себе свои руки! – яростно выпалила она, смело глядя бандитскому боссу прямо в лицо.

– Она уже уволена, Никифор Львович, – трусливо заявил Машин шеф, заставив ее взглянуть на него со всем ее презрением.

– Не стоит торопить события. – Никифор Львович оглядел разозленную и растрепанную Машу с ее оторванными пуговицами и постановил: – Ее вины в случившемся нет. Сейчас Керубино перед ней извинится, и будем считать инцидент исчерпанным.

– Никифор Львович! – взревел тот с пола подраненным зверем. – Мне извиняться перед какой-то шлюхой?! Да она меня, между прочим...

Он не успел договорить, получив от Маши носком туфли под ребра. Она тут же отскочила, потому что он, взревев еще громче, начал подниматься, с явным намерением расправиться с ней за все.

– Керубино сейчас перед девушкой извинится, – по-прежнему не повышая голоса, но тоном «я что, непонятно объясняю?!» повторил Никифор Львович.

Пыла у Керубино резко поубавилось. А может, и ржавые контакты уже встали на место, заставив вспомнить, что его босс и сам проявлял к Маше интерес. Во всяком случае, поднявшись, кидаться на нее бандит уже передумал. Замер перед ней, укрощенный, но не в силах выдавить из себя ни слова. Маша, которой противно было видеть, когда перед ней унижаются люди, даже такие, как этот бандит, презрительно бросила, обращаясь к его боссу:

– Благодарю вас, его извинения мне не нужны. Просто пусть имеет в виду, что в следующий раз я его убью! Чего бы мне это ни стоило! Пусть только попробует! Внушите, пожалуйста, эту мысль своему подчиненному.

– Хорошо, я проведу с ним воспитательную беседу. – В голосе Никифора Львовича послышались насмешливые нотки. И, еще раз оглядев Машу, он продолжил: – А теперь, если позволите, я хотел бы сказать вам пару слов наедине.

Хоть разговаривал он вроде с одной только Машей, но все окружающие быстро приняли к сведению его слова, исчезнув кто куда, тихо и незаметно. Даже Керубино ушаркал прочь, прижимая к разбитой голове кем-то поданное чистое полотенце.

– Я слушаю вас, – сказала Маша, оглядевшись, чтобы убедиться, что они действительно остались одни. – Пожалуйста, о чем вы хотели со мной поговорить?

Никифор Львович начал не сразу – минуту или две он молчал, пристально разглядывая Машу с близкого расстояния. Не так, как раньше, в зале, явно получая от этого удовольствие, а внимательно, цепко, так что Маше стало даже не по себе от сканирующей силы его пронизательных глаз. Потом все так же медленно и негромко произнес:

– Я сам приношу вам извинения за моего подчиненного. Вас ведь зовут Мария, не так ли?

Вообще-то нет, по паспорту ее звали Мариной, но почему-то с самых первых лет официальное имя трансформировалось в Машу. Так что седовласый босс получил в ответ утвердительный кивок, после чего достал из своего портмоне визитку. – Вот, возьмите, Мария. Здесь указан мой адрес. Я бы хотел, чтобы вы приехали ко мне послезавтра... или нет, это будет уже завтра. После обеда, часам к двум. Нам есть о чем с вами поговорить. Не здесь, а в нормальной человеческой обстановке. Сразу скажу, что я собираюсь сделать вам одно предложение. Вам решать, захотите вы его принять или нет, принуждать вас никто не станет. Но по крайней мере выслушать его, я думаю, будет в ваших интересах.

– Хорошо, Никифор Львович, я буду у вас, – сказала Маша, забирая у него визитку. Он был не из тех людей, которым легко было отказывать в какой бы то ни было просьбе, да и узнать, что он там собирается ей предложить, тоже было любопытно. В конце концов, что она при этом потеряет, кроме времени? О возможном риске Маша не думала – глядя на этого солидного человека, как-то не верилось в то, что он может опуститься до мелкой мести женщине. Тем более что Маша чувствовала: она ему нравится. Он уже ушел, попрощавшись с ней, а она все стояла посреди кухни, сжимая в кулаке твердый прямоугольничек его визитки, врезающийся уголком ей в ладонь. Вывело ее из оцепенения лишь появление коллег, которые вернулись, когда увидели, что Машин собеседник вновь занял свое место во главе стола.

– Так, Катя, обслужи напоследок главный стол вместо Маши! – как ни в чем не бывало распорядился шеф.

– Я и сама в состоянии это сделать! – огрызнулась Маша, разозленная не на шутку его недавним поведением.

– Ты не в том виде, – ответил он, заставив ее вспомнить про оторванные пуговицы. А потом, приблизившись и понизив голос, поинтересовался: – О чем вы хоть говорили-то?

– О том, что шеф у меня гнилой, – ни секунды не колеблясь, сказала Маша.

Он резко и возмущенно вздохнул, но проглотил все слова, когда Маша у него на глазах демонстративно убрала в нагрудный кармашек визитку. И пошла переодеваться, поскольку шеф сам только что дал понять, что на сегодня ее рабочий день закончен.

Ушла Маша не сразу: пока переодевалась, медленно, осознавая произошедшее и запоздало испытывая нервную дрожь, ее коллеги тоже завершили свою рабочую смену. Все было подано, все обслужены. Теперь была очередь за посудомойкой и уборщицами, а набегавшие за этот вечер официанты наконец-то могли спокойно вздохнуть. В итоге, перед тем как идти домой, Маша задержалась, с ними в компании выпив по рюмочке. Сидя возле служебного входа, приоткрытого, чтобы впустить свежий воздух, кто на табуретках, а кто и на перевернутых ящиках, ребята тихо обсуждали сегодняшний случай.

– Ты не думай, Машка, если бы дело дошло до крайности, мы бы все-таки пришли тебе на выручку, – заверил ее один из коллег.

– Не сомневаюсь, – вздохнула Маша. – В таких случаях у нормальных людей порядочность часто перевешивает здравый смысл. Хорошо, что сегодня до этого не дошло. Хватит с меня и одного случая, когда Ваньку и избили так, что еле выкарабкался, и уволили.

На этой невеселой ноте Маша решила, что пора бы домой. Позвонила таксисту Антону. Он, как всегда, не заставил себя долго ждать.

– Привет, Маш, – кивнул он ей, когда она плюхнулась на сиденье. – Жаркая сегодня была ночка? Видок у тебя сегодня какой-то потрепанный.

– Да ты что! Этого только не хватало! – Маша достала из сумочки зеркальце. – Тоха, ты езжай потише, не трясись, ладненько? Мне надо лоск на себя навести, а то еще, неровен час, мама что-то заметит.

– Понял, – сочувственно сказал Антон, сбрасывая скорость.

Возле своего подъезда Маша постояла, по традиции провожая взглядом отъезжающего Антона. Потом непроизвольно перевела глаза на пустующие сейчас качели. Глеб! Теперь он ей был нужен. Чем скорее, тем лучше. Ведь о чем бы завтра ни пошел разговор у нее с Никифором Львовичем, а пойдет на эту встречу Маша не в последнюю очередь из-за него. Это же была прямая возможность хоть что-то разведать! Может, возможность и не слишком многообещающая, но все же. А может, и у самого Глеба будут какие-то пожелания, когда он узнает о том, что Маша отправляется, можно сказать, в самое логово врага? Надо попытаться вечером как-то с ним связаться. А пока – принять душ, перекусить и в кровать, из которой никто не сможет окликнуть, чтобы сделать заказ!

Незаметно просочиться в квартиру не удалось, мама выглянула в прихожую, едва только Маша перешагнула через порог входной двери. Как всегда, мама была с ложкой в руках.

– Привет, непутевая, – произнесла Маша с ней хором ее традиционное приветствие, вот только в конце вместо «дочь» она вставила «мать».

– Я тебе дам сейчас «непутевую мать», нахалка ты эдакая. – Мама пригрозила ей ложкой от кухонных дверей. И не успела Маша выпрямиться, как мама тут же обратила внимание на ее внешний вид. – Машка, это что с тобой сегодня такое было?!

– Да ничего особенного. – Маша повела плечами: выходит, все ее старания в машине прошли впустую. – А что?

– Да вид у тебя сегодня такой дикий, как будто за тобой гонялись! Глаза шальные вообще! Еще и синяк на щеке! Этого еще не хватало!

– Синяк?! – ахнула Маша и побежала в ванную, посмотреть в зеркало. К ее облегчению, синяк оказался небольшим, только мама и могла такой сразу заметить. И на скуле, а не на щеке. То ли Керубино ее так ударил, то ли сама обо что-то стукнулась, когда отлетела, поди теперь разберись. Но нервировать родного человека своими правдивыми рассказами Маша все равно не собиралась. Достаточно того, что и сама, по большому счету, до сих пор никак не успокоится, оттого и глаза до сих пор действительно горят диким огнем. Несмотря на усталость, несмотря на то, что все благополучно закончилось...

– Машка! – Мама выросла у нее за спиной и потребовала: – Выкладывай, что у тебя сегодня случилось!

– Да оступилась я, подвернулся каблук, – как можно небрежнее отмахнулась Маша. – И еще радовалась как дура, что ногу при этом не подвернула. А нет бы сразу в зеркало, на лицо при этом взглянуть! Но я и не почувствовала, что ударилась. Лед у нас есть?

– Ну, если ты со стадами своих гостей-приятелей все лимонные кубики еще в водку не перебросала, то есть, – ядовито ответила мама, у которой явно отлегло от сердца. Иначе бы не язвила сейчас. – Ладно, мойся скорее, ведь не будешь же ты делать процедуры на грязную кожу? А я пошла, иначе у меня сейчас пригорит.

– А что именно пригорит? – заинтересовалась Маша, ловя носом запахи из кухни.

– Котлеты.

– Ой, беги-беги! И отложи-ка мне одну котлетку, сразу, как будет готова, пусть остывает.

– Обойдешься! – проворчала мама, скрываясь за дверью. Но Маша знала: конечно же, отложит! И даже не одну! И пусть снова будет читать сейчас Маше нотации, но в то же время будет украдкой радоваться тому, с каким аппетитом Маша жует ее котлетки. В этом вся мама! И как здорово, что она есть!

– Я тебя люблю! – с чувством прошептала Маша, включая душ.

Глебу Маша позвонила, как и собралась, вечером. После того, как проснулась, уничтожила две чашки кофе, посмотрев при этом телевизор, и заново оценила вид своего синяка. Он немного увеличился в размерах, но, к Машиному облегчению, хотя бы ярче при этом не стал.

– Это опять ты? – приветствовал ее Глеб после того, как она до него все-таки дозвонилась, раза так с третьего.

– Я. Фразу «Машенька, как же я рад тебя слышать!» вслух, так уж и быть, можешь не произносить. Мне будет достаточно того, что ты просто так думаешь.

– Машка, да это уже выходит за всякие рамки! – возмутился Глеб.

– Вакантов, я, как нахалка с большим стажем и опытом, за рамки никогда не выхожу, – отрезала Маша. – Так что затаи дыхание и внимай, говорить буду.

То ли он выполнил это требование, то ли у него просто нижняя челюсть отвисла от такого нахальства, так что он не сразу смог использовать ее в разговоре, но возражений из трубки не последовало. И Маша продолжила:

– Мне необходимо тебя сегодня увидеть. Где мы можем встретиться? Можешь ты ко мне приехать, могу и я к тебе, куда скажешь.

– Я тебе скажу: отвали. Мы ведь с тобой уже обсудили вопрос нашего общения.

– Ничуть не бывало! В этом вопросе мое мнение не совпадает с твоим. И потом, это действительно очень важно, поверь. Расскажу все при личной встрече.

– Машка, один раз я тебе уже сказал: больше никаких личных встреч. Повторять не буду. Всего хорошего!

– Еще одну минутку! – торопливо сказала Маша, боясь, как бы он не бросил трубку. – Если ты не хочешь ехать ко мне, то, так и быть, сама до тебя доберусь, и сделаю это без твоего приглашения. Что ты там упоминал в разговоре со мной? Закатовку? Так вот, приеду туда и буду бродить по улицам, пока не угадаю, в каком из домов ты живешь.

– Я там уже не живу, иначе ни словом бы о ней не обмолвился. А кроме того, это дыра каких мало, так что одинокой девушке туда вообще лучше не соваться, особенно вечером.

– Ну, значит, если со мной там что-нибудь случится, то это останется на твоей совести. Или ты все-таки назовешь мне какой-нибудь другой адрес? Чтобы завтра в утренних криминальных сводках не обнаружить имя своей бывшей одноклассницы? Которая всего-то и хотела тебе просто помочь?

Глеб что-то тихо и отрывисто произнес сквозь стиснутые зубы, и вряд ли это был комплимент. Но, зная Машу еще по школе, после короткого раздумья все-таки сдался:

– Ладно, приезжай, если хочешь. Есть в пригороде такой поселок, Сосновка. Дом номер три.

– Заметано. Не знаю, сколько туда ехать, но на сборы беру полчаса. Жди.

Полчаса – не полчаса, но минут за пятьдесят Маша все-таки собралась. Оделась, причесалась, накрасилась, уделив особое внимание сокрытию синяка. Антон уже ждал ее в машине у подъезда, но Маша даже мусор никогда не пошла бы выносить неприбранной, так что уж было говорить про встречу с Глебом. Уже в прихожей Маша вдруг подумала о том, что ее ушедший в подполье одноклассник не избалован сейчас домашней пищей, и, заскочив ненадолго на кухню, набросала в контейнер котлет, прихватив их с собой. А напоследок еще и полпачки молотого кофе выхватила из буфета.

– И снова здравствуйте! – приветствовала она Антона. – Ты знаешь, где находится такая Сосновка? До нее далеко?

– Километров двадцать. А тебя-то туда каким ветром несет? Совсем не в твоём стиле поселочек.

– Экзотики захотелось, – вздохнула Маша. – Так что несет меня не ветром, а скорее всего, просто воздушными завихрениями. Едем!

С пробками им в пути повезло, в том смысле, что их не было, так что доехали они быстро. Антон въехал в сам поселок и остановился возле первого дома:

– Ну вот, а дальше куда?

– А дальше я здесь выйду, – решила Маша, вспомнив вдруг про то, что Глеб все-таки скрывается, а значит, нужно соблюдать какую-никакую конспирацию.

– Маш, что ты все-таки задумала, а? Зачем сюда приехала? Давай, я тебя тут подожду?

– Нет, не стоит. Не знаю, насколько я здесь задержусь.

– Маш, не по нраву мне это глухое место.

– Не дрейфь, меня здесь ждут. – Она покосилась за окно уютного салона машины. На улицу с редкими фонарными столбами, между которыми словно сгущалась тьма. С одной стороны улицы шли дома за глухими заборами, с другой к ней почти вплотную подступал хвойный лес. Идеальное место для того, кто желает скрыться от посторонних глаз. Или заманить и избавиться от не в меру назойливой одноклассницы. Маша усмехнулась, поймав себя на этой мысли: до чего только не додумаешься в подобной обстановке! И, отменяя от себя все сомнения, решительно открыла дверцу машины: – Все, Тоха, пока.

Она еще постояла перед машиной, состязаясь в упрямстве с Антоном, который не хотел уезжать, пока она не дойдет до нужного дома. Но все-таки сдался, когда Маша показушно топнула ногой. Она проводила его взглядом, а как только переключила свое внимание на неброские избушки, так сразу и пожалела о том, что отпустила его так рано: номера домов, как выяснилось, начинались вовсе не от дороги, а от дальнего конца поселка. Так что вместо ожидаемой цифры «один» Маша увидела на заборе номер «37».

– Ну что ж... так как альтернативы нет, то постараемся принять неприятную новость с достоинством, – пробормотала она. Оглядела полутемную и в ухабах дорогу, потом – свои туфли, не самые парадные, но тоже на каблуках. И так как других вариантов действительно не было, то двинулась к дальнему краю поселка, чувствуя себя при этом крайне неудобно. Можно было подумать, что поселок вымер, если бы изредка, сквозь щели в заборах, в окошках не показывались тусклые огоньки. Зато деревья на другой стороне улицы качались от ветра, то и дело отбрасывая на дорогу нервирующие Машу тени, как будто выпрыгивающие к ней из темноты и пытающиеся до нее дотянуться. Маше казалось, что бредет она уже целую вечность, но когда ей попала очередная табличка, она выяснила, что прошла только двенадцать домов, в полутьме и безлюдье, под тоскливый посвист ветра в сосновых иголках. Не выдержав, она достала телефон и набрала номер Глеба, намереваясь попросить, чтобы он ее встретил. Но, еще больше угнетая и без того нерадостное Машино настроение, телефон сообщил ей, что Глеб

сейчас находится вне зоны действия сети. От этого открытия Машу начало уже потряхивать. А ну как он ее там вовсе и не ждет, просто назвал первый попавшийся адрес, чтобы только отмазаться? Или вдруг... Машу аж в жар бросило от этой мысли... вдруг убийцы уже опередили ее, всего на какие-то полчаса? И она увидит сейчас разоренный дом с выбитыми дверьми? А самое страшное – с остывающим телом Глеба посреди комнаты. Картина вырисовалась так четко, что Маша даже остановилась ненадолго, пытаясь взять себя в руки. Потом снова пошла, так быстро, как только позволяли на этой дороге ее каблуки.

Третий дом встретил Машу неприветливо. Прежде всего – отсутствием какого бы то ни было освещения. Еще и в доме, и во дворе царил мертвая тишина. Нехорошая, недобрая. Дрогнувшей рукой Маша открыла скрипнувшую калитку и нерешительно направилась к крыльцу, тревожно прислушиваясь. Крыльцо, как и калитка, тоже оказалось скрипучим, запело под Машиными каблуками всеми своими ступенями, каждая на свой лад. Если бы Глеб был дома, он уже не мог этого не услышать! Однако почему же до сих пор не дал о себе знать?! Обмирая от страха, Маша потянула на себя дверь. Та подалась легко, оказавшись незапертой. И запах в доме был жилой. Вот только снова эта гнетущая тишина и темнота... Маша вытащила из кармана свой телефон, нерешительно осветила им сени. Прежде всего – пол, на котором всю вторую половину пути ей отчетливо представлялся лежащий Глеб. Слава богу, наяву он там перед ней не предстал, и даже следов крови было не заметно. И не успела Маша облегченно вздохнуть по этому поводу, как прямо у нее за спиной прозвучал негромкий и не слишком-то приветливый голос:

– Ну, привет. Как доехала?

Маша удержалась от того, чтобы завизжать, но не от того, чтобы, развернувшись, попытаться залепить «гостеприимному» шутнику оплеуху. Глеб рефлексивно выставил руку, спасая свою голову от ее яростной ладошки, и Машины пальцы наткнулись на теплый металл.

– Что это? – Перехватив его запястье второй рукой, она на ощупь убедилась в том, что не обманывается и что у Глеба в руке действительно пистолет. – Ах ты, гаденыш неблагодарный! Я к нему тащусь тут на каблуках через эту убогую улицу, изнывая от страха, я ему котлеты домашние тащу, чтоб накормить по-человечески, а он меня со стволом подкарауливает!

– Начнем с того, что никто тебя сюда не звал. – Он протянул свободную руку к стене. Выключатель оказался совсем рядом, и в сенях наконец-то загорелся пусть тусклый, но свет. – И торжественной встречи тебе тоже не было обещано.

– Ну что ты? – глядя на то, как Глеб убирает пистолет в кобуру, Маша попыталась скрыть обиду за иронией. – Очень даже торжественно получилось. И как ты, всем поголовно такой почет оказываешь или выборочно?

– Всем. Оттого и жив до сих пор.

– Но ведь ты знал, что я должна приехать! Или что, ждал со мной еще кого-то? Теперь-то я вижу, что дело вовсе не в том, что ты не желаешь втравливать меня в опасные игры, а в том, что ты вообще никому не доверяешь, и мне в том числе. Правильно, а с чего бы? После стольких лет молчания я вдруг свалилась тебе как снег на голову со своими предупреждениями. Ясное дело: втираюсь к тебе в доверие, чтобы потом тебя сдать этим самым свирелевцам, сребреников эдак за тридцать. Молодец, ты меня раскусил! Теперь и пристрелить заодно можешь, чего уж там полумерами ограничиваться!

Невозмутимо выслушав ее гневную речь, Глеб в конце лишь кивнул:

– Спасибо за разрешение. Можно я им попозже воспользуюсь? А пока проходи, раз уж нарисовалась, – невзирая на ее сопротивление, он приобнял ее за плечи и повел дальше, в просто обставленную комнату с плотно закрытыми ставнями. – Скажи, ты сама много кому стала бы доверять, если бы от этого зависела твоя жизнь? А меня, знаешь, даже не столько факт ее потери пугает, сколько то, что из-за своей преждевременной смерти я так и не успею остановить этот расчленительный беспредел, которым никто больше заниматься не хочет. Так

что у меня нормальная здоровая реакция на скрип калитки и ступеней, независимо от того, жду я кого или нет.

– Ладно, проехали, – ворчливо сдалась Маша. Подошла к столу, раскрыла сумку, вытащила продукты. Спросила:

– Хлеб и турка у тебя есть?

– Хлеб есть, хоть и черствый. А про турку понятия не имею. Что ты вообще тут затеяла?

– Тогда давай любой ковшик, я уже и сама кофе хочу, – не отвечая на вопрос, потребовала Маша.

После того как аромат готового кофе растекся по всей комнате, Маша разлила его по чашкам. Одну чашку взяла сама, другую пододвинула к мрачно наблюдающему за ее действиями Глебу. Тут он поднялся и, не дожидаясь повторной просьбы, достал пакет с хлебной нарезкой. Маша, в свою очередь, открыла контейнер с котлетами и поставила его на середину стола.

– И что это? – холодно поинтересовался он, не спеша притрагиваться к угощению.

– Котлетки, – подавая пример, Маша взяла одну. – Свежие, мама сегодня утром делала.

– Так ты за этим сюда и приехала? Настырная же ты, Машка.

– Нет, не за этим. Но о делах потом. А пока бери и ешь. А не сиди с таким видом, как будто хочешь плюнуть в душу тому человеку, который от всего сердца старается сделать для тебя хоть что-то хорошее.

Вначале он как будто хотел что-то ей возразить, но потом все-таки принялся за еду. Ел он сдержанно. Слишком сдержанно, обычно мамы котлетки ели с куда большим аппетитом. Маша поддерживала компанию. Хлеб оказался не просто черствый, а окаменевший, так что пришлось макать его в горячий кофе – только так он становился мало-мальски съедобным. Но, на Машин вкус, так было даже пикантнее. Никогда еще ей не приходилось есть котлеты в таком необычном виде, а особенно в такой компании, как сегодня. Любуясь на Глеба украдкой, чтобы по возможности его не смущать, Маша откинулась на спинку стула. Когда-то, в школе, она могла позволить себе роскошь любоваться им каждый день, было бы желание. Сколько лет прошло с тех пор? С последнего звонка, отметившего переход от каждодневных встреч к многолетней разлуке? И вот встретились, а он все такой же! Суровый, предпочитающий держаться особняком, рассчитывающий лишь на свои силы. Именно про таких говорят: «И один в поле воин».

Тут у Маши зазвонил телефон.

– Ага, не выдержал все-таки, – сказала она, отвечая на вызов. – Да, Антош?

– Маш, ну ты как, добралась до места? А то я все-таки волнуюсь.

– Не волнуйся, добралась, встретили и даже не пристрелили. – Маша дала отбой и не смогла удержаться от еще одной колючки в сторону Глеба: – Агент свирелевцев звонил, интересовался, пора ли высылать группу захвата.

– А на самом деле? – игнорировал ее выпад Глеб.

– А на самом деле – таксист, который меня сюда привез, мой давний знакомый. Заметь, не такой давний, как бывшие одноклассники, но и то беспокоится о том, как я дошла. В то время как кое-кому было на это откровенно наплевать.

– Неправда. Просто я знаю, что в этом поселке спокойно, не то что в Закатовке, в которую ты собиралась наведаться. Да и не думал я, что ты высадишься так далеко, что придется потом идти.

– Вакантов, ты что, меня и в самом деле за дуру держишь?! Способную привести посторонних людей к самому твоему порогу?

– Машка, ну не заводись! Просто жизнь у меня сейчас весьма своеобразная, и другим людям в ней места нет. И я тебя сразу об этом предупреждал, да только ты меня не послушала.

– А что тут слушать? Другим рядом с тобой по жизни не было места, не только сейчас. Ты же хронический отщепенец! Но меня все-таки придется потерпеть, поскольку в данный

момент я для тебя весьма полезная особа. – Маша повертела в руке чашку из-под кофе и, удивившись, что в ней больше нет ни капли, оставила ее на стол. – В общем, слушай, – и принялась излагать ему события вчерашне-сегодняшней ночи. И не только о том, что случилось с ней и о последовавшем приглашении, а также о деятельности свирелевцев на преступно-деловой ниве, и о тех компаниях, названия которых звучали вчера со сцены в перечислении ведущего.

– Да, Машка, выбрала ты себе работенку, – дослушав ее, хмуро сказал Глеб, устремляя взгляд к ее запудренному синяку. – Лучше бы канавы чистить пошла, что ли, раз институт тебя не прельстил.

Маша в ответ поморщилась:

– Ну ты прям как моя мама. Не уподобляйся ей, пожалуйста, мне ее и одной хватает. Скажи лучше, сообщила ли я тебе хоть что-то полезное?

– Кое-что – да. Я, например, не знал о том, что они совладельцы фармацевтической корпорации «Девясил». Только удивлялся, откуда они, тихо и без следов, берут препараты и оборудование, и контейнеры для транспортировки органов в том числе. Теперь понятно.

– Глебушка, а откуда ты вообще узнаешь, как и что они делают? Это ведь не так просто, как кажется на первый взгляд. Или я чего-то не понимаю? В газетах ведь об этом не пишут, по телику не показывают.

– Ну, кое-какие зацепки у меня были еще с тех пор, когда я работал. С тех же времен остались и некоторые осведомители. Иные, мелкие сошки, продолжают помогать мне, зная, что у меня есть на них компромат, который я, в случае чего, могу и передать своим бывшим коллегам. Иные информировали меня не за страх и даже не за «спасибо», а желая восстановить справедливость. Как правило, это родственники жертв, с которыми мне тайно удалось побеседовать. Эта информация обычно разовая, сообщенная по строжайшему секрету, потому что люди запуганы, но, как правило, значимая. Ну, сводки ОВД опять же, из которых я выбираю то, что может быть связано со свирелевцами. Ребята, бывшие коллеги, тоже мне иногда тайком помогают, прекрасно понимая, почему я уволился. В открытую против начальства не отваживаются переть, но все-таки сочувствуют и делают все, что могут. Так и набегает по щепотке, что уже становится возможным рисовать какую-то картину. И самое главное, какие-то события можно уже и предвосхищать. Так что обозлились свирелевцы на меня не зря, я уже между делом несколько раз перебежал им дорожку, пусть и не по «моей» теме, но по-крупному. Сорвал поставку нескольких угнанных и очень дорогих автомобилей, помог своим парням вычислить нелегальную автомастерскую, в которой было ценное оборудование для переделки краденых машин, предотвратил два крупных рейдерских захвата. Еще из-за меня сорвалась передача партии золота – наши свирелевцы раскинулись так широко, что контролируют северных старателей, а потом с курьером переправляют скопившийся товар сюда. Я же, еще не зная этого, поначалу думал, что совершается очередная переправка органов, так что вмешался. Моими же стараниями троих свирелевцев взяли на месте преступления с поличным, так что даже связи Никифора вряд ли помогут их теперь отмазать. В общем... наверное, если бы они не взялись за меня в свое время и не вынудили бы уволиться с работы, то, думаю, им это дешевле бы вышло. А тебе, как видишь, Машка, я все-таки доверяю, иначе никогда бы не начал рассказывать того, что сейчас рассказал. Довольна?

– Пока да. Дальнейшее зависит от твоего поведения.

– Это, в смысле, насколько вежливо я тебя сейчас провожу?

– Это, в смысле, насколько мы с тобой сработаемся. Ты ведь понимаешь, что я не просто так настаивала именно на срочном свидании с тобой? Мне нужны твои инструкции, ведь завтра в два я уже буду у Никифора Львовича. Чего ты хочешь, чтобы я постаралась там для тебя узнать? Или высмотреть? А может, и «жучка» где-то прицепить сумею, если ты мне его дашь.

– Машка, да ты что, заболела? – взвился Глеб. – Ты что, всерьез собралась к нему ехать? Да ты хоть понимаешь, зачем он тебя пригласил?! Нет, это, конечно, твоя личная жизнь, в

которой я тебе не вправе указывать. Но только не надо меня к этому приплетать! С чьей бы подачи ты ни отправилась завтра в это логово, но точно не с моей! А если хватит ума, так еще передумаешь и останешься дома. Я по крайней мере очень на это надеюсь.

– Надеешься зря. Я все уже решила. Во-первых, одна-единственная поездка еще ни к чему меня не обязывает...

– Это как сказать! Этот твой Никифор может рассудить совсем по-другому, и даже тебя об этом не спрашивая.

– А во-вторых, я твердо решила тебе помочь, – игнорируя его возражение, продолжила Маша. – Присоединиться к тем, которые информируют тебя не за «спасибо» и не за другие награды, а просто так.

– Машка. – Он устало провел рукой по лицу. – Физически воздействовать я на тебя не могу, а уговаривать просто нет сил. Да и бесполезно это, учитывая твое упрямство. Что останется? Разве что матери твоей позвонить? Сообщить ей, что ее дочь напрочь слетела с катушек, и попросить, чтобы завтра она заперла тебя понадежнее?

– Не выйдет. Ты же ее телефона не знаешь.

– Не проблема. Отберу сейчас твой и посмотрю.

– И рука поднимется на девушку?

– Ради такого случая – да. Потому что сама ты сейчас просто отчета себе не даешь, во что ввязываешься. Одумайся, Маш. Пока не поздно.

– Поздно, Глебушка. Как говорится, Рубикон уже перейден. – Маша слишком поздно заметила быстрое движение Глеба и не успела выхватить у него свою сумочку. Но драться за свою собственность не стала, снова откинулась на спинку стула: – Ну-ну, поищи.

– И поищу! – Как профессионал, он без всякого смущения сунул руку в Машину сумочку и выудил оттуда ее телефон. И даже каким-то чудом сумел снять блокировку, но дальше этого дело так и не пошло. Мама у Маши значилась в списке абонентов как Лучик, это еще со школьных лет пошло, когда мама приходила ее будить, а Маша, пытаясь закрыться от нее одеялом, сонно ворчала: «Ну вот, снова лучик света сквозь ставни пробился!» И главное, папа тоже это подхватил, наверное, потому, что было в маме действительно что-то светлое, солнечное. Вот только Глеб обо всем об этом не знал, так что в его глазах «Лучик» благополучно терялся на фоне всяких там «Заек», «Цветочков», «Лысиков», «Пушистиков» и прочих достойных граждан.

– Ну что, съел? – ехидно поинтересовалась Маша после того, как Глеб наконец-то отчаялся найти в телефоне доступное каждому слово «мама».

– Твоя взяла, – признался он, возвращая и сумочку, и телефон. – Но, Машка, я со своей стороны сделал все, что мог. И не моя вина будет, если у тебя все-таки хватит глупости подписаться на эту поездку. Впрочем, – он окинул ее нарочито оценивающим взглядом, – красивые женщины, наверное, достойны роскошной жизни. И не важно, каким путем.

– Вакантов, не хаами! – Маша поднялась со стула с грацией кошки. – Так ты что, действительно отказываешься от моей помощи? Подумай, какие у меня будут возможности! Ведь ни один из твоих осведомителей не сможет подступиться к Никифору ближе, чем я.

– А может, тебя связать? – спросил он в ответ, задумчиво разглядывая ее. – По рукам и ногам, и кинуть тут, в уголке, до завтрашнего дня?

– Только попробуй! – не зная, насколько он готов осуществить свою угрозу, Маша начала отступать к дверям. – Как я погляжу, нам с тобой больше не о чем сегодня разговаривать. Так что я, пожалуй, пойду.

– Пойдет она, – проворчал Глеб, тоже шагнув к дверям, что заставило Машу отступить еще на пару шагов назад, поддерживая дистанцию. – Да ладно тебе шараться от меня! Лучше бы боялась тех, кого действительно нужно! Умные люди в такую компанию не то что по доброй воле, а и под дулом пистолета бы не сунулись.

– Так что я, по-твоему, дура? – вскинулась Маша. Предполагалось, что Глеб хотя бы из вежливости должен был возразить, но он вместо этого подхватил:

– Еще и какая!

– Ну, знаешь! – Глаза у Маши гневно сверкнули. Оставалось развернуться и уйти отсюда, но она теперь, после угрозы Глеба, опасалась повернуться к нему спиной – а вдруг и в самом деле надумает связать? С него станется. Однако он, глядя на нее, лишь тяжело вздохнул:

– Я-то знаю, а вот ты вообще непонятно, о чем думаешь, не говоря уж о том, чтобы с рассудком дружить. Ладно, нечего на меня дуться. Поедем, я отвезу тебя домой. Чтобы еще и на обратном пути не упрекала меня за плохую дорогу и свои каблуки.

– Ты же вроде говорил, что у тебя машины нет.

– Зато есть мотоцикл. Так что если твое твердолобое величество снизойдет до этого средства передвижения...

– Глеб, ну что ты завелся-то, в самом деле?! Пойми ты, что я как лучше хочу! И ничего мне этот Никифор не сделает, не из той он породы. Уж в чем в чем, а в мужчинах-то я разбираться умею. Во всех, кроме таких психов, как ты, но тут уж, как говорится, любая наука бессильна и только лишь одна медицина может помочь.

– Разбираешься, говоришь?! Эх, жаль, нет у меня здесь фотографий, сделанных на некоторых местах происшествия! Может, хоть они бы тебя образумили! Поглядела бы, на что способен Никифор, в котором ты разбираешься! Это человек без законов и совести, а ты лезешь к нему в самую пасть!

– Ради того, чтобы помочь тебе сделать этот мир чуть почище. Овчинка стоит выделки! А кто не рискует, тот, как известно, шампанского не пьет.

– Да ты, по ходу, еще после предыдущей бутылки не протрезвела, – в сердцах выдохнул Глеб перед тем, как выйти из дома.

Он вышел и скрылся за углом, а Маша осталась ждать его на крыльце. Топтаться на своих каблуках по полутемному и не слишком ухоженному двору ей не хотелось. Как, честно говоря, и ехать на мотоцикле вместо того, чтобы вызвать такси. Но ради того, чтобы не обижать отказом Глеба, и без того уже выведенного из равновесия, она согласна была потерпеть.

Впрочем, выкаченный из сарая мотоцикл оказался хорош! Этаким агрегат для пожирания километров, весь какой-то аэродинамичный и хищный на вид. На таком приятно было бы прокатиться, даже несмотря на некоторые неудобства в сравнении с машиной.

– Вот, надень. – Глеб вынес из дома и накинул Маше на плечи кожаную куртку.

– Зачем? – удивилась она. Сегодня была одна из тех сухих и звездных августовских ночей с теплым ветром, когда сложно было замерзнуть.

– Делай, что говорят. – Глеб дождался, когда не ставшая спорить Маша сунула руки в рукава, и подал ей шлем. – И это тоже. И садись.

Маша села у Глеба за спиной. Обхватила его руками, сомкнув пальцы у него на животе. Ну, или на том месте, где он у него должен был находиться – Глеб всегда был жилистым и поджарым, как дикий волк. Куртка Глеба пришлась весьма кстати, и не только для защиты от ветра – просто короткая и узкая Машина юбка на сиденье мотоцикла задралась едва ли не до самых трусов, а полы куртки успешно заменили ее, прикрывая ноги до середины бедра.

– Что, репутацию свою бережешь? – ехидно спросила Маша, оценив трансформации, произошедшие с ее одеждой.

– Нет, твое здоровье. Чтобы завтра к Никифору Львовичу поехала не с соплями, – не менее ядовито отозвался Глеб прежде, чем завести мотоцикл. Тот послушно заурчал, лишая Машу возможности что-то ответить. А потом к рокоту мощного двигателя присоединился еще и шум ветра. Глеб хорошо знал местную дорогу, со всеми ее ухабами и рытвинами. Долгий и трудный путь между домом и шоссе, неведомо за сколько времени пройденный Машей, они, искусно лавируя, пролетели за какую-то минуту. Свернули на шоссе. У Маши дыхание пере-

хватило от ощущения скорости, совсем не так воспринимавшегося в машине, но она мужественно крепилась, всецело доверившись Глебу. Прижалась к его спине, защищающей как от страха, так и от ветра, и жалела лишь об одном: о том, что шлем не дает прильнуть к нему еще и щекой, как ей отчего-то вдруг захотелось. Поездка оказалась возмутительно короткой. Вскоре Глеб остановил мотоцикл возле последних кустов, обрамляющих площадку перед ее домом. Слез сам, помог Маше. Как бы невзначай бросил взгляд на окна ее квартиры, к его разочарованию, оказавшиеся неосвещенными.

– Что, и впрямь бы к моей маме ябедничать пошел? – спросила Маша, возвращая ему и шлем, и куртку. Потом обеими руками потянулась к его шлему: – Сними, дай хоть на тебя взглянуть на прощание.

– Машка, – он выполнил ее просьбу, но, кажется, лишь затем, чтобы подкрепить свои слова взглядом: – Если ты завтра к нему все-таки пойдешь, то уже точно можешь больше мне не звонить, я даже знать тебя после этого не желаю. А теперь иди домой. Я подожду, пока ты дойдешь до подъезда. Провожать, уж извини, не буду, не хочу, чтобы ты лишний раз засвечивалась в моей компании.

– Вакантов, – вместо того чтобы сразу развернуться и уйти, Маша вдруг шаловливо ухватила его руками за края воротника, чуть подтянулась и поцеловала прямо в губы. Целоваться она умела, не зря они с подружкой Томкой когда-то, в далекой теперь юности, тренировались друг на друге, чтобы потом не ударить в грязь лицом при игре «в бутылочку», да и на первых свиданиях тоже. Но Глеб даже не шелохнулся в ответ. И не отшатнулся, и не ответил. И когда Маша отстранилась от него, то увидела, что и лицо его осталось все таким же осуждающе-бесстрастным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.